

18+

Людмила Захарова

Философия любви

Рассказы

Людмила Захарова

Философия любви. Рассказы

«Издательские решения»

Захарова Л.

Философия любви. Рассказы / Л. Захарова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935860-8

В книге рассказов «Философия любви» герои делают переоценку ценностей, осмысление пережитого счастья и горя. Люди, состоявшиеся, пытаются на смене эпох быть честными с собой, но вновь оказываются перед выбором между привычным образом жизни, долгом и любовью, без которой теряется смысл жизни.

ISBN 978-5-44-935860-8

© Захарова Л.
© Издательские решения

Содержание

Прогулка	6
Песня	8
Подающий кофе	9
Час пик	13
Приговоренные	15
Эх, Кузя...	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Философия любви Рассказы

Людмила Захарова

© Людмила Захарова, 2020

ISBN 978-5-4493-5860-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прогулка

Печальные глаза. Печальные и умные. Печальные и красивые. Многие знания... Нам хорошо втроем. Все в порядке. Можно сказать, что Костик счастлив, наконец-то. Игорь, как водится, поглощен новой идеей. А я... Я по-прежнему. Мы в парке. Я ничего не знал о последней осени, о привыкании к боли. Я многого не знал и был счастлив, мы были счастливы... Да, мы были... А я вдруг остался. Может быть, я все еще что-то не понимаю, если остался?

Мне хорошо с ребятами, почти весело. Сейчас я предложу им сыграть в русскую рулетку, и они согласятся. Они верят в неотвратимое. Видишь, мне опять не повезло. Курок щелкнул: я скосил глаза к носу, недоумеваю. Костик продолжал смотреть на нас и натужно улыбаться – мимо. Игорь тихо выматерился после – неприятное ощущение. Мы отстрелялись в воздух – от греха подальше.

Мне не удастся потушить спичку, я мотаю головой и жмуруюсь изо всех сил, сдерживая сухие слезы, жмуруюсь – от слов: хмурюсь и жмурюсь одновременно. Эта кривая ухмылка уже давно не сходит с моего лица.

Я смотрю на огонь и ничего не понимаю. Мне бы прочь отсюда, из нашего парка, где счастливые прогулки по сей день шуршат за моей спиной, я оглядываюсь, но тебя нет. Я кидаюсь вслед, догоняю ребят, висну у них на плечах. Я неуклюж, небрит, я сутулюсь. За что ты только любила меня?! Роняя слова невпопад, я начинаю постигать нечто. Ты пахнешь желтыми листьями, я чувствую тебя. Вернее, я продолжаю чувствовать тебя, как свою собственную кожу. Ты – не где-то, не рядом, а во мне. Наверно, это и спасает меня от безумия.

Сколько мы прожили? День? Год? Вечность? Или одну-единственную нескончаемую осень? И я остался, остался здесь, в нашей осени. Ты просила, чтобы я не жил прошлым, а был счастлив в новой жизни, в новой роли. Но разве бывает счастье после счастья? Конечно, я стараюсь, продолжаю жить. А что еще я могу сделать? Пищу странные, жуткие вещи и не чувствую боли. Нет боли страшнее, чем та, что прижилась во мне. Если бы ты уходила как-то иначе...

Но ты все узнала, все успела, простилась красиво, не торопясь. Я же всегда спешил, не успевал, а сейчас у меня столько неприкаянного времени, которого очень и очень не хватало для нас. Это раздражает.

Все было заранее predetermined, взвешено, отмерено. Все было выверено – изначально. И, представь себе, ошибки в том нет. Нет ошибки. И это самое печальное. Человек оказался глуп. Две тысячи лет он смотрит в окно и задает себе вопрос: что делать? А ответ настолько прост, настолько известен любой бесхитростной душе, что никем не воспринимается всерьез. Жить. Просто жить. Что еще может быть более сложным и неопишваемым?! О чем тут спрашивать?! О каком таком деле, если человек уже живет, а, значит, его деяния уже имеют место быть? Наше право распорядиться этим даром или чудом, – называйте как угодно свое удивительное появление на белом свете. Если мне удалось повернуть ребят лицом к себе, то они непременно зададут новый вопрос. О чем думать? Это Игорь вопрошает небеса. Без насмешки. Столь неохватную тему трудно найти. Достаточно думать о жизни. Ты хотела, чтобы я понял и принял главное? Это случилось. Ты позовешь меня к себе или еще не вышел срок?

Что за черная кошка пробежала между нами? Ты называла это старостью. А я... я не хочу ее называть. Мы чуточку поблекли, устали, стали чаще болеть, но нам нет еще и сорока. Всего лишь середина пути. Нам не хотелось сбрасывать скорость на поворотах, да мы и не стали бы менять привычный темп жизни.

Знаешь, милая, все-таки личные обстоятельства полностью меняют образ мыслей. Я не пою веселых песен, избегаю милейших утешительниц, я щелкаю зажигалкой и подолгу смотрю на пламя, словно пытаюсь понять смысл твоего ухода. Мне тяжело видеть себя со стороны, но я не способен на иное существование, более рациональное. Место в моей душе занято

тобой, и только тебя не удивляет моя верность. Игорь не берется судить о том, а Костик улавливает в этом некую закономерность. Все влюбленные очень схожи между собой, и мне легко бродить с ними весь день, ничуть не отвлекаясь от размышлений о тебе, о нас... Мне приятно, что они знали нас и знают о том, что творится в моей душе без тебя. Но мы говорим только о делах, они не пытаются меня разумными советами: так, мол, нельзя, пора забыть и прочее... Я благодарен им за эту прогулку. Все стихло над черной волной, только ветер.

Я гримасничаю с друзьями. Гримаса сглаживает искаженное болью лицо. Я даю прикурить Костику, пряча взгляд. Зачем ему помнить мои печальные глаза? Маленькие, потускневшие, рвущие душу. Игорь пытливо наморщил лоб, но промолчал. Правильно... Они все правильно понимают. Разве можно разлюбить тебя только за то, что ты умерла? Так внезапно.

Песня

Дымок дружеского застолья струится сквознячком в открытые окна. Вино наливается и проливается. «Амаретту» выпили сразу – спросонок. Василий слегка зол – утром едва добудился. Ждали, называется. Он никогда не понимал – не принимал такого образа жизни, но чувствовал себя по-старому – как меценат и слегка студент. Есть и другие спонсоры. Уж он-то видит всех насквозь и знает – кто по чем, кто и с кем. А здесь не соскучишься.

Он раздраженно взглянул на Раю, любезно кивая на бокал. За водкой еще рано – «еще не вечер» – не три утра. Она особенно раздражает его. Нет, не гениальна. Но зачем же так отдаваться прилюдно, исполняя чужое? Так, словно это она... И, вообще, зачем им надо писать такие романсы?! – Какие?.. словно им все ведомо и все дозволено. Словно они могут знать, как это все было... Забыто! И давно забыто. Да он и не прислушивается к словам. Тоже мне – барды...

Хватит, наверно! Зачем? Болезненная откровенность – нарочитая экзальтация чувств, обнажающая самое дно (нет, не душу, не прошлое, где мрак и бред), не самое сокровенное (нет, не убеждаете). Перебор гитарных струн сестрицы. Рая глотнула, набрала воздуха тощей грудью, не поблагодарив даже взглядом. Такая же дрянь – плеснула припевом в лицо, в глаза, словно в душу плюнула. Да разве он стал Иудой? Не она?.. пошла по рукам?! Только открой душу, тут же натопчут. При всех плеснула рюмкой коньяка, при всех своих – лучших, своих бывших. Уже бывших. Да Бог с ней, не поминать же лихом.

Ладно, выдержу. Зачем-то ведь приехал. Он слушает и не слушает, что тут нового услышишь. Романс? Новый? А у меня вся жизнь – как песня. Полюбуйся: упакован. Но никто не любит, хотя, конечно, есть и молоденькие, глупенькие – то, что надо. Стар что ли стал? Да разберемся! Но все слушают, застыли – надели искренние маски. Тоска, да и только...

Чинарик по кругу: открывайте клювики. Дошло и до него, а романс душещипательный, – утер слезу. И действительно слеза! А девочки – совсем уже не девочки. И где же тот десятый класс?! Черт побори...

А вокруг стола – то пили, то пели, не очень-то интересуясь им. И всего-то: «Как дела, старик?» Да ведь говорил уже, как только вошел. Все такие же бестолковые, как... Да Бог с ней. Она уже не вернется никогда. Не простит. Да и он не простит: прилюдно, при всех... Зараза! В первый раз так отомстили. И кто! В первый раз за тридцать лет было так больно. И сейчас. Романс... Как больно! Или нет? Это дым глаза разъедает.

– Хватит, девочки, песенки петь. Что-то зябко, не пора ли за водкой?

– Что ты, Васенька, не вечер, мы тебе еще споем! Давно же вас не было у нас, а как поживает... – Он так испугался продолжения фразы, что одноклассница осеклась и, заминая неловкость, запела из давнего репертуара, когда они бывали вдвоем.

Запела... словно песня может что-то исправить, словно воспоминания могут быть приятными – уместными в кругу давних приятелей. Он принял косячок – гулять, так гулять! Ехал к ним – отвлечься от дел. Расслабляет. Приятно. Наверно, был перебор с непривычки. Нет, не гитары... И вот она садится рядом, на свое обычное место, домашняя, своя до гроба. Он смеется от души, до слез, припоминая ей: «Лисенок-лисенок, как давно мы не ездили в Питер! Как здорово, Лисенок». А гитара продолжает звенеть и откровенный до бесстыдства голос Раи поет о чуде, как любили они когда-то, в другой жизни. Ну, просто песня!

Подающий кофе

Мастерская клубится в непонятных испарениях. Неистребимый дух. Гомон друзей, птиц, гитары. Кокетливо мрачные глаза. Лай и шерсть кошачья. Философские щебетания и пьяные споры эстетов и никакой ответственности.

– Никакой, – подтверждают чьи-то кольца дыма, – кстати, попробуй, тоже искусство.

Особый дар устраивать праздники, драки или варить кофе. Откинута на подушку волосы сушатся, вбирая терпкий запах вольного мира. Взор в потолок, размышления ни о чем. Катя пробует удержать бокал на острой коленке.

– Не шали, кто будет спать на мокром? – Черти... – Этому не наливать. – Куда фен дели? – Новая фенечка... – А ей бесполезно, не переводит добро, дай сюда... – Что нового? – Читай, Сорока, читай. – Клювики! Клювики! – Сам ты – белая ворона... – Чьи беспризорные дети? – Светик, пой... – Или?... – Соседские.

Вопли пьяных родителей. Стук в двустворчатые, забытые и загороженные генеральским резным буфетом, двери: «Прекратите безобразия». Фортепьяно в ответ: «трям-трям-трям!» Чумной вагон. Хриплый звонок: «Тебя»...

– Есть в этом доме хоть какая-то посуда? – Сам помоешь. – Кто краски смешал? Какая сволочь здесь лазила? – Чепуха, внимание! – Какого черта? У меня уголь, – огрызнулся самый молодой обитатель мастерской.

– Но какие мысли! – Карандаш... – примиряющим взмахом руки ответил Борода.

– Хватит, раскройте окна! – Город проснется. – А нас нет... – Кто бы телефон поднес? – Новый? – С вами напишешь. – Да! Нас нет и не будет! – Где расческа? Уйти нельзя, все съели, удавы. – Алло?... замолкли, тихо. – Это эскиз. – Да Бог с ней... – Ну и что?! – И тут со сцены... – Да возьми хоть ее! – Фонтан лжи! – Ха-ха-ха! – Еще рано, ко-не-что, приду... – А зачем?! – Некий шарм. – Врет. – Да. – Просто желание!

– Послушайте, обормоты! Вот окно. И нет ничего прекраснее, если он умеет подать кофе, не нарушая моего ритма. Я продолжаю стучать на машинке, не замечая шипящей сковороды. Ужин будет готов через две-три странички, а пока – кофе. Крохотная кухня и я не претендую на стол, довольствуюсь подоконником. Поэтому духовка действует только в мое отсутствие, что бывает редко. Мне полюбили работать дома. Потрясающие замыслы! А богемный чад в прошлом. Я встретила его! Ну, естественно, своего мужа. Он пользуется дальней горелкой, заходит к плите сбоку, и мы ничуть не мешаем друг другу. Еще пять строк, и я не обожгусь, хотя, такая тема. Пять строк – и я улыбнусь в отражении стекла: «Превосходный кофе, милый». Я счастлива! Прежде мне не удавалось сочинять так легко и споро, как в этот неполный год, но вы не желаете поверить! Кому смешон семейно-творческий экстаз, пусть выйдут из зала.

– Кто он?

– Никто! Не поет, не рисует, не поэт, не знаменитость! И, самое главное, не играет! Мы все играем, а он живет. Любящий человек достоин уважения даже таких циников, как все мы. Вам все еще забавно услышать сие от дамы, избравшей свободный полет в одиночество? Лишь с ним, рядом, я постигла истину. И смейтесь, негодяи, я свободней, чем когда-либо.

– Но...

– Парадокс! В этот миг, на этой самой фразе о свободе, я вдруг чувствую бледность его лица. Шершавая бретелька, подпаленная утюгом и к тому же в этом месте неуклюже пришитая к бюстгальтеру, вдавливаясь острием. Нож! В нашем доме есть мужчина, а посему ножи опасно остры. – «Ты сделала это?» – Его нелепый вопрос впервые вторгается в текст, но я не поднимаю головы. Уже поздно. Ночь и кошмарные сюжеты за окном. Я устала и ужин готов, вероятно. Зачем же нарушать привычную гармонию? «Да!» – четко и ясно, под стук клавиш:

так-так-так-да! Страничка останется недописанной, останется царапина, это уж точно. Я уже писала о том, что остановиться можно на любой строчке, ибо мы...

– Не повторяй чужого «Мы все смертны».

– Чаще всего я пишу о том, что остановят. Продолжим. «Да, я сделала это. Я предупредила тебя сразу. Не перебивай мысли». – «К-к-отенок, я убью тебя». – Я тороплюсь допечатать лист. Я предвидела это, милый, я верю, но не могу оторваться. Я давно собиралась начать наш роман, но почему-то с конца. Эти слова... я не знаю, откуда и зачем они? И вот, поздно.

– Чушь какая-то.

– Трагикомедия. И это дороже, чем наша жизнь?! Удивительно. Я боюсь, что кончится лист, боюсь глотнуть кофе, боюсь осечки на полуслове, потому что я действительно не играла, не пользовалась тобой и любила. Такое простое открытие: чтобы выйти замуж, достаточно встретить своего мужа. Не очень юной даме, не желающей связывать себя никакой ответственностью, надо лишь столкнуться со своим мужем (не каким-то по счету или бывшим, а со своим). Так просто быть счастливой и сейчас. Ты читаешь вынырывающий бред. Ты тривиально поступишь, милый, как все мужчины. Карандашная отметка: стоп. «Ты готов?» Я пью кофе медленно и осторожно, чувствую его бледность, – дочитывает лист. Теперь мне безразличен вечерний ритуал последней страницы, я была откровенной. Уже не хочу смотреть в окно, как водилось прежде, и уже не помню своих слов. Я смотрю в никуда и вижу все «до», «после» и «если бы»... Его пристрастие быть главой семьи и отцом, варить чудный кофе и любить меня такой, как я есть.

– Мечта всех баб!

– О талантах я уже упоминала ныне. На следующей странице он заплачет. Впервые. Но это будет потом. Острее ножей никто не точит, только муж, мой муж. Я предвкушаю финал нашей пьесы: сильное чувство всегда трагедия. Сколько о том насочиняли, что я не сумею здесь что-то изменить. Да, я не хотела обременять себя! И я в таком возрасте, что могу себе позволить быть собой. Мне не мешали, это так. Наоборот. Разве известность – моя заслуга? Это уже его труд. А лопатка саднит. Вот оно! Признание таится за спиной и... Черный коридор распахивает хрустнувшие двери и внезапный сквознячок несет меня в бесконечность, как тот листик, что врывался в мастерскую впереди гостей. И где-то в глубине, за поворотом, вероятно, оставлен свет, словно газовую горелку не стали тушить. Все как в обычной коммунальной квартире и в темнотище не угадать, которая же дверь нужна мне. И уже нет подающего кофе, которому я попала по ошибке, ибо не я, а мне открылась его дверь. Мой кокетливо мрачный взгляд и его незабываемый вкус кофе. Талант магнетизера. Говорящие руки.

– И правда, разумно ли отказываться от чашечки кофе?

– Если нет вдохновения, и удавы все сожрали... Продолжай.

– Вдохновения нет, есть желание устроить разгон. Если честно, то у меня единственный дар – устраивать перевороты в цивилизованных домах и нарушать любые устои. С этим шла в безумный, бессонный, богемный мир. Сейчас там тихо и не угадать – сколько стен от фарфоровой чашки. Пусть гуца стекает на блюдце, я подожду. «Сейчас мы все тайны откроем»... я улавливаю рисунок сквозь смех. «Как светло и уютно у вас, но мне не сюда». – «Не спешите, я поджидал вас. Иногда я слышу, как вы читаете, и просто схожу с ума». – «Неужели так хорошо слышно?» – «Мне повезло, мы будем счастливы. Я вижу: вы устали. Не возвращайтесь к ним, мы переедем на окраину. Я стану тем». – «Кем?» – «Подающим кофе». – «А-а я подумала: подающим надежды молодым автором». – «Ты будешь моей, но мы не будем мешать тебе. Я займусь нашим малышом, а ты... ты будешь свободна, только пиши!» – «Да вы рехнулись, сударь!» – «Но зато, какое воплощение строк в реальность, продолжение темы в реальной жизни». – «Допустим, я напыюсь до чертиков, чтобы согласиться с вами. Но помните, чем кончится сказка, я не оставлю ребенка». – «Я убью тебя, Котенок». – «Прощайте».

– Неприятное знакомство.

- В квартире живет маньяк?
- Неужели он действительно существует?..

Мастерская клубится в непонятных испарениях. Неистребимый дух. Гомон. Как можно было пройти мимо?!

– Почему никогда нет света в этом доме?! – пролетевший плащ завершил вираж, – «трям-трям-трям-сь», – продолжил игравший на фортепьяно, выпутываясь из него.

– Какого черта, Катюха, ты злая такая влетаешь, – продекламировал кто-то, скрывшись за мольберт.

Шаль зацепилась за низкий дубовый стол и порвалась, что-то смахнув. Катя опоясалась ею потуже, стряхнув котенка на пол: «Брысь, Маруся, с какой радости тебе нынче праздник – шарить по тарелкам?» Она идет к зеркалу, но расческа еще не нашлась. Поправляя рукой рассыпавшиеся пряди, вслушивается в подозрительную тишину, оглядывается. Друзья затрепетали в шутиливом ужасе, скрывая ехидство.

– То-то же, я... – тут она закрыла рот ладонью, приглушая смех. Зеркало закрывал ее портрет.

– Как я не заметила, что лицо неживое. Вот это шедевр!

– Она, видите ли, не носит маски неподвижной, – буркнул юный гений, прежде просто приходивший брать уроки, но случайно прижившийся здесь.

– О мрачный взор, сокрывший гибель страсти, – надрывно застонала Светик под аккорды Демьяна. Но бородатый Илья прервал восторг звонких поцелуев жестами: Клювики! Клювики! клювики?

– Я не могу дышать этой гадостью, распахните окна!

– Тебе никто не предлагает.

– Добро переводить.

– Почитай, мы тебя заждались.

– Решили, что ты, открыв новую теорию, немедля вышла замуж!

– Так мы уж и не вспомним в который раз...

Светик с Катей обменялись злыми усмешками.

– Есть ли у нас джентльмены?

– Сегодня есть «вчерашние, сожранные» пельмени!

– Странная мысль, но долг платежом красен. И так будет всегда. Я устала.

Сгоняя пса, Катя опомнилась: «Кто приволок этого удава? Сознавайтесь, предатели. Иди-иди, Фигуля, нет у меня ничего, не лай». Привычная амурная паутина на потолке. Лепнина закопчилась, придавая пузатым ангелочкам коварные выражения лиц. Коса отброшена на подушку. Обычное упражнение с бокалом вина на согнутой коленке. Хриплый звонок, перебранка.

– Тебя. – А если тебя? – Чепуха? – Ладно, играем в чепуху... – Ну кто-нибудь, живой, снимите же трубку!

Но никто не спешил отреагировать, бросить свои занятия. Даже пьющие или просто курившие в этот момент выглядели сверх сосредоточенными. Катя, выдохнув, потянулась к трубке: «Здесь белые вороны сбились в стаю».

– И как ты можешь поступить, подумай сам, – Демьян вопросительно застыл с бутылкой в поднятой руке. Хозяин покачал головой, указывая на единственного женатого человека, приблудившегося к ним.

– Ему не наливать, его уже ищут.

Взаимопонимание полное, Катя продолжила: «Да нет же, его еще не было, уверяю вас. Обязательно передам. Спокойной ночи».

– Нет, – подтвердил потерянный голос.

- Нет.
- Все-таки, душа моя, ответь, что будет с возлюбленной?
- Только свет дай рубиновый!
- А ты не хочешь выйти за рамки жанра?
- Узенький-узенький лучик света, как острие, полоснет по залу и умрет на ней!
- Пьяные эстеты! Что может быть противней, – подмочив край дивана, Катин фужер раскололся.
- Какого черта! Где я буду спать?!
- Дома! – взорвалась Катя, прохрустев осколками. – Когда здесь будет чистая посуда?!
- Я там оставил газ, сходи, помой. На кухне тоже нет света, – сжалился старожил мастерской.
- Мне жутко.
- Что?! Вчера еще мылась в ванной без света, а сегодня, что вдруг? – возмутился давний друг (неизвестно чей или оставленный случайно каким-то забытым приятелем).
- Нашла достойную развязку? Точно!
- Ага! Значит, он ее прирежет! Только и всего, Фигушка! – радостно тормозил собаку вечный бездельник.
- Катюша входит в роль?! Потрясающее сопереживание, господа!
- Говорю же, негодяи, что я ничего не записывала. Это экспромт. Накатила шальная мысль. Нервы.
- Ну-с?! Экспромт сбылся? – заволновались актеры.
- Врать-то ты умеешь, мы ценим или любим тебя за это. А почему не записать? Очень мило. Так и назови: «Подающий кофе».
- Зачем?
- Чтоб исполнилось, – последний Катин приятель хохотал долго, гримасничая до слез.
- Как вы мне надоели, шуты... – Катя захлопнула крышку рояля перед носом надоевшего композитора, пропев «трям-трям», – подняла плащ и, не оглядываясь, подняв свободную руку, сделала играющие пальчики на прощание, оставляя двери открытыми настежь.

Входная дверь в квартиру захлопнется сама. Внезапный сквознячок влетел блеклым затоптанным листом, покружил и сгинул во тьме коридора. Нож просвистел и впился в деревянную панель.

Час пик

Бутылка пива застопорилась меж полных колен барышни – в разрезе юбки. Руки заняты жестикуляцией. Поза сидящей барышни почти неприлична, если не слышать поневоле голос. Ожесточенное описание того, что можно приготовить, если есть, конечно, мясо, ну еще нарезка и так далее. Так сочно, так азартно взлетают руки. Вероятно, не хватает слов. Никакой умышленной эротики. Надо же где-то приткнуть открытую бутылку. Над нею, чуть склонив голову, молодой человек неторопливо отпивает пиво, не вникая и не мешая ей высказаться. Барышня смакует предстоящий ужин, хищно взмахивая яркими когтями. Ноги все-таки не голые. По колготкам в жару, безупречным маникюром, можно определить то, что едет она с работы. Он ей позвонил в офис, встретились, едут... куда-нибудь. Еще один глоток открывает его помятое лицо. Молодые – до двадцати пяти лет. Кто же он? Если что-то может позволить из еды в столь голодное, безработное время? Заработок приличный, но случайный, иначе был бы в костюме. Черная рубашка, черные джинсы. Гнетут черные мысли. Устал. Слишком устал. С утра не брит. Несвеж. Скушен. А она все о том же, забыв об импортном пиве. Они неинтересны – они современны. Юностью от них не пахнет. Нет речи о любви... о ветчинке, рыбке, а на икорочку не добыл. На десерт будет секс. И только?

Что-то раздражает... вероятно, отсутствие любви. Основной инстинкт работает. Зачем-то они все же едут после душевной работы к ней (к нему?). Будет только секс. Постелью это времяпрепровождение называют семейные пары. Этой парочке до постельного варианта еще надо дожить. Пережить смутное увлечение, решить, что пора остановиться, выбрать. Кем-то дозволено выбирать. Пробовать можно до бесконечности. Догуляться до безразличия или остановиться, согласиться с привязанностью к человеку противоположного пола. Все зыбко, временно, случайно. Кто прав, кто виноват? Все можно переиграть и вновь увлечься. Только пробы уже ставить негде.

Не осуждаю. Констатирую и сожалею, вместо того, чтобы подремать эти полчаса в метро. Жизнь коротка, уныла. Размышления навязчивы, как вид этой парочки напротив. Нет в них романтики. Что можно чувствовать с бутылкой меж колен? Загадка. Грустная загадка – как можно жить, не чувствуя любви? Отсутствие любви больно жалит тех, кто чувствовать умеет. Наивной девочкой кажется бабушка, желающая любви своей непоседе-внучке. Но она права – именно любви. Не секса, ни гормонов. Ей самой нужны эти несчастные гормоны, так врачи советуют, но, увы, вдова. А просто так – для здоровья – не может. Таких чудных теток отличает мимолетный взгляд, который они отводят от неуместной бутылки пива. Нет лица, нет глаз у барышни, есть ноги, сжавшие бутылку. И ноги знают – секс будет. И весь восторг в руках, рисующих – представьте: вырезка есть...

Все пассажиры четко представляют отбивные и огорчаются: дома мяса нет. Есть пятница, чай, сахар, хлеб. Жить можно... Белье замочено. Усталость пяти рабочих дней в зевоте до неприличия. Духота. А завтра будет рынок, будет ночь. Сегодня и вчера. И завтра... Ночь и любовь неразделимые понятия. Как жаль тех молодых. Нет веры, что любовь жива. Их дело выжить. Так мерзок и жалок их порядок в мирозданье. Просто распорядок – дел, утех. Парень с пивом наклонился к девушке, оголилась спина, мелькнул ствол за поясом. Как слаб и опасен кратковременный успех... Красные усталые глаза. Болтовня подружки, наверное, награда за грязь, которой он был занят в последние дни. Он не смотрел, не любовался ею, не предвкушал радости. Он видел никуда. Тупик. И несколько часов вдвоем. И пиво здесь, не торопясь – только в метро, пока доедем. Вся жизнь наспех. Вот и еще одна станция метро. Спрессованная толпа резко поубавилась, можно не зависать над парочкой, а просто расположиться подальше... Неприязнь – не страх. В пятницу уже нет сил бояться.

Неосознанная грусть. Любовь неосвязаема. И глупо выглядит сегодня – в день рождения Пушкина. На взгляд чужой смешна порой, невозможна, немыслима и неуместна. Пусть неразумна, но отсутствие любви – трагедия нового – чужого поколения. Любовь дарит не покой, но свет. Но если вся любовь сойдет на нет – не станет света. Не это ли конец?

И если я права... какая жалость!

Москва 6 июня 1997 года

Приговоренные

Багровый бархат качнулся маятником, убыстряя шаг. Колокол юбки плеснул в глаза кровавым цветом, застучал от виска к виску, разрывая нахлынувшую паутину мыслей. Казалось, не оборвется короткая, до конца дома просохшая тропка, где прошла случайная девушка, незнакомая и словно твоя, забытая слишком давно, чтобы вспоминать ее. Очередной, внезапно отчетливый удар, раскалывая мозг, выбросил его в ослепительный майский день, где еще нет зелени, а только дымка на голубом небе. «А-а-а-а... Д-да-аааа!!! Ада! Слышишь, Ада, я не узнал тебя!»

– Знакомся, сынок, это тетя Ада. – Я ушел к себе, получив шоколадного зайца и не прикрыв двери.

Ада ворковала с мамой. Я не делал уроки, а смотрел на гостью. Красивая тетя никогда ничего не замечала. Красивая и странная Ада, привнесшая в наш строгий уют стихийные праздники, новых друзей, гостей. В такие дни, недели я не был наказан за проделки. Ада стала взрослой, взбалмошной и замужней. Ее Зайчик рос очень спокойным. А я был должен гулять с ним, пока они с мамой курили на балконе – я же все видел.

Ада взвинченная и бездомная. Мы спали втроем. Она чмокала нас в макушки, думая, что мы уснем. А я, засыпая, улавливал в ночи ее неотвязный жест, – она наматывала прядь волос на указательный палец, вздыхала, начиная все заново. Иногда она исчезала на месяц, на полгода, но я ждал ее. Всегда сумасшедшая, то замужняя, то разведенная, в зависимости от настроения, она писала нелепые романы. Я ей так и сказал, когда мне стукнуло семнадцать, а нам часто приходилось спать, как в детстве. Ада, мне было уже семнадцать, а ты ничего не заметила. И я, Ада, не заметил, что тебе давным-давно не девятнадцать.

Я женился и отслужил, и развелся. И я, Ада, сошел с ума, – закружился с волками... Ада, а ты помнишь наши дни рождения? А последний Новый год? Лет пятнадцать назад, Ада. Мы курили на лестнице. Я наматывал каштановый локон, притягивая тебя. А ты, хитрая и рыжая только на солнце, чмокнула меня как маленького в щеку. Ты даже не помыслила, почему я согласился на твою авантюру – уехать за бугор. Брак по контракту! Я и здесь мог иметь, и имел столько. «Гоп-стоп, мадам, ваша карта бита». Ты знала это, знала.

– У нас одинаковые дипломы и шансы помочь друг другу, – ворковала ты. И я верил тебе, что смогу отбиться от своей стаи. Ты верила в меня. Моя мама уже не верила ни во что, а ты...

Я мечтал, Ада... Я десять лет мечтал, Ада, о нашей ночи. С тринадцати лет, Ада. И ты попала, милая, попала. Я протрезвел от испуга: столько всего наговорить тете Аде! Но что ты могла сделать? Не выгонять же пьяного ребенка на улицу среди ночи. И как ты согласилась уезжать нормальной семьей, не фиктивной? Ада, я мечтал, и мечты сбывались стремительно. Неожиданно я был представлен на твоей фирме, чем вызвал шок у господ капиталистов. Щенок! Забавный Щенок, Ада? Я рвался изо всех сил. Меня били, а я поднимался. Меня резали, а я уходил, как бы много их не было. Наша роспись была так близка, а я хотел венчаться, хотел общих детей. Ты раскрыла глаза в ужасе, прошипела: «Ты с ума сошел!»

– А ты, Ада?

Я не помог тебе. Ты все сделала сама. Выцарапалась. Так рисковать, Ада?! Не желая испортить фигуру на старость лет. Я смирился – примирился с тобой, но запретил вспоминать о разнице лет: «Тебе всегда будет девятнадцать, Ада, ты не имеешь права быть другой».

– Последняя юность? – смеялась ты.

И мы загадывали – куда мы будем выезжать на уик-энды и в путешествия. Египет, Греция, Кипр, Рим, острова... Я не умел злиться на тебя. То есть было, конечно... Я не обнаружил тебя нигде в день нашей свадьбы. Не предупредив даже моей мамы, ты сбежала в отпуск, к морю. А я со зла в тот же день расписался с хозяйкой корчмы. Деньги делают все. Я понимал, Ада, что

ты плохо чувствовала себя, устала от резких перемен, но я уже не мог освободиться от штампа в паспорте. Требовали выкуп, добыть который я мог, конечно. Но ты запретила идти на прежние «заработки». Им не был нужен выкуп. Им был нужен боец. А я и был классным бойцом, они ни за что не отпустили бы меня. Ты понимала все, но что-то ты все же не смогла понять. Ты спорила, что понимаешь, но не принимаешь это. А я вырос с ними в одном дворе, учился в одной школе. Я не мог больше прятаться, отсиживаться на даче, у тебя на твоём содержании. Я столкнулся с ними и пропал. Корчма. Болото. И твой звонок. Куда?! Ты могла только люто возненавидеть, а сделать... Нас приговорили, Ада, я не был самоубийцей. Я был прав.

– Ада, ты не видишь ада! Это беспредел.

– Мне хватит, что я знаю жизнь, – взорвалась ты.

И я еще надеялся, что мы успеем уехать и подвел тебя с бумагами. Цепь событий замкнулась. Я был там, с ними. Я не рассказал тебе ничего о деле, я был причастен. Я кричал тебе: «Оставь меня, уйди, уезжай одна».

Ты разглаживала мои слезы по щекам: «Нет, нет и нет, мы уедем вместе, Дитеньш, обязательно уедем». Я прижимался к впадине твоего живота, ловил твои руки, выцеловывая все линии на ладонях: «Родная, я решил».

Я выбрался от них, но был пьян и наколот. Начал с веревки. ЛСД один кубик – семь тысяч, в месяц ты зарабатывала на десять-пятнадцать кубов. «Этого мало, ты не потянешь, Ада».

Были сумерки. Лезвия. Я ведь просил тебя уйти. А ты отнимала одно за другим и почти уговорила, я хотел смыть липкие прикосновения дружков своих. Когда я не смог уснуть у себя дома, уже была ночь. Мы спешили попасть в метро, чтобы вернуться к тебе. Сколько ты простояла на коленях? Не рыдая, не отирая слез? Я кромсал свои вены, а ты была бессильна, но вновь и вновь захватывала порезы мокрыми, скрутившимися бинтами, не боясь намокнуть в багровой пене ванны. Сколько имен ты подарила мне? За всю мою беспутную жизнь, где прошмыгнули сотни баб, я так и не услышал десятка из тех имен, которыми ты завораживала мой порыв уйти от судьбы... Глупая, это не слабость. Я спасал тебя от страшного «субботника». Тебе не надо знать, что это значит. Ты бы не смогла написать ничего.

По ночам ты шептала странные сюжеты, невыносимо светлые романы. Невыносимо светлые, нелепые, недоступные здесь, в этой жизни. Промельк света: до и после. Я же кричал и плакал тебе: «Я не хочу стать волком, Ада! Ада, ты не знаешь ни ада, ни этой жизни, ни рая, ты сумасшедшая, Ада». Я не любил тебя. Я боготворил твои прикосновения, а кровь просачивалась во сне, оставляя на стене запекшиеся капли. Я шел за тобой. Исповедь. Я каялся, а у церкви меня поджидал дьявол, я чувствовал его ухмылку. Я больше не пошел к батюшке. Он не мог нас венчать без расписки. А ты уже боялась, но все же обещала мне, что, как только уедем, то так и повенчаемся. «Обязательно, Дитеньш».

Я молчал. Ты чувствовала все, что происходило со мной. В который раз я оставил тебя? А ты не ревновала, лишь передвинула мебель, не сумев отмыть обои. Тревожный и красивый сентябрь напоминал о тебе каждым листом, кружившим надо мной как твоя душа. Я не подходил к телефону, но не из-за тебя. Я был верен, Ада. Я не снимал кольца и не думал отступить, просто я заехал к себе. Меня ждали, пощадили, простили, – с такими руками я им пока не был нужен. Я сел на иглу, дружки угощали. Ада, я задолжал, но не мог спать. Несколько суток без сна, в корчме, когда и водка не берет. Беспредел, Ада...

Ты проснулась от залпов, ты испугалась стрельбы. Московский конфликт. Ты разлюбила бабье лето и вздрагивала от выстрелов под окном, в ночи. А я был там. Нет, Ада, не в оцеплении, а в белом горящем доме. Я обещал тебе, что не стану волком. Я вышел, дополз к тебе. Я со школы ненавижу красные флажки и уже ничего не боюсь. Вот тогда ты и плакала впервые. Плакала от счастья: «Живой-живой!» Я часто снился тебе, моя душа всегда приходит к тебе, и ты все уже знаешь, не факты, нет. А я стрелял, Ада, стрелял без промаха. И на крышах еще

остались затравленные волки, но я ушел. Ушел. Один из немногих. Мы бродили золотящимся парком, говорили о прошлом и будущем России. Ты бередила мне душу щемящей ностальгией о предках, о наших – бывших. Разве сейчас мы рвались бы уехать от твоей нищеты, от тлена, поразившего мое поколение? Конечно, ты старше, что тебя спасает от беспредела, но ты в сто раз моложе тех шлюшек двенадцатилетних. Прости, Ада, это мой круг. Ты не любишь грязи, но не можешь охранить меня от нее здесь. Я это видел. Но там – там я смогу обезопасить тебя от всех невзгод. Я буду пахать, Ада. Ты станешь моей песней, моей картинкой. Я сам буду подбирать тебе наряды. Я знаю, что мне делать, потерпи немного. Я рассчитаюсь с ними за все. Я только съезжу в одно место. Стреляет без осечки.

Когда ты сломалась, Ада? Почему ты не позволила мне сделать это? Почему? Да я зарезал твою карьеру, подмочил репутацию, но ты была очень красивой, тебе все прощалось. Ты сама оставила престижную работу и не из-за меня, устала носить улыбку. Днем в парке, я пояснял тебе каждый выстрел – холостой или нет. Я мог под этот шумок убрать всех, с кем повязан. Меня не успели бы вычислить. Мы бы уехали сразу. Я вернулся со всем необходимым через неделю, готовый к бою. Мои вещи ты перевезла к маме, а в записке: «До тех пор, пока... пока я, пока ты... и подпись: тетя Ада». Что я должен был осознать, решить, сделать?!

– Или я или они, выбирай! – твои, последние в нашей жизни, слова.

– Но, Ада, я же выбрал! Они ведь не поймут слов. Только сила...

«Тетя» Ада, ты не видишь ада? Я хотел убить тебя, Ада. Я бушевал, а позвонили они, не вы... Ада, зачем вы прошли, проскользили взглядом и не узнали своего юного супруга. Вы старомодны в этом бархатном пальто. Я изменился, да? Лицо в шрамах. Страшно? Я не хотел вас обидеть. Никогда! Я бы и не вспомнил вас, Ада... Вот только цвет магический. Это ваш цвет. Я был не прав. Вам все еще девятнадцать, а я никогда не знал вас иной. А вы? Вы вспоминали меня, я читал. И забыл, сразу забыл вас, тетя Ада. Позвонили они, я не хотел снимать трубку, но... Вам страшно? Ада, ты не узнаешь ада. Я сам стал волком, Ада.

У здания суда стрельба стихла, кто-то грубо закрыл глаза. Остальных приговоренных увезли.

Эх, Кузя...

Сергей Анатольевич неслышно брел по коридору, слегка сутулясь. Второй этаж блистал показным уютом комнатных цветов, нагоняя скуку последнего приюта. Крадущаяся мука, а не шаг. Плохо, Старик? Плохо-плохо – тускло отсвечивали бежевые стены и двери. Благолепие июня манит шелестом подросших берез за открытым окном. Привет-привет, перезимовали. Правильно, что ребят оставил на улице. Он предвидит, как резко изменятся выражения лиц, едва они войдут сюда, приступят к работе. Глупые и толстые мордашки засопят, натирая полы, чтобы не расплакаться. В фойе пансионата он уже столкнулся с обитателями и был готов нести на руках подвернувшуюся старушечку. Но «обеспечиваемые», словно бы проступали из стен, и, видимо, никак не желали его шарахающейся вежливости. Но почему он думает о них, если это просто летняя практика? А он... он никто, всего лишь учитель. Учитель физкультуры, внушающий детям почтение одним своим ростом. Да уж, Кузя, ты был выше всех. Кузя, ты был. Не кто-то, а ты согласился на две недели, но не потому, что не знал, где пройдет практика. Это не костры и походы. Это...

Крахмальный халат хрустнул, пролистывая журнал движения, выбирая умерших для отчета. Кто-то выжил, а кто-то и нет. Вечно кто-то забывается, а кому-то напрягать память. Сергей Анатольевич наклонился, заглянув в кабинет, и закружилась голова от нахлынувшего аромата...

Травма – Склиф – операция. Какие могут быть игры? Девочки, ах, девочки, вы понимали это. Снисходительные, ласковые, все принимающие руки, которые умеют делать больно. Особая порода – сестрички милосердные. Чума наркоза отходила, заслоняя мир невыносимой горечью: игра! А как же игра?! Как же так, девочки, милые?! Ведь невозможно, чтоб кузнечики не прыгали, чтоб Кузнечнику не опустить элегантно мяч в корзину? Девочки, как больно, милые. И хитрые пальчики и легкие шуточки: «Засыпай, Кузя, я не уйду». И кто-то не уходил, был рядом. А кто? Всех не упомнишь. Эйфория, бред и запах бреда. Полгода баловства, но встал и пошел, но куда? Склоненные головки, красивые затылки, белый колпачок греется у настольной лампы. И я маюсь молча, а они продолжают ставить крестики-нолики в дурацких журналах, не отрываясь и ожидая не вопроса, а просьбы...

– Таисия м-м-м...

– Федоровна, – она поставила галочку, заложила линейкой тетрадь, карандашом папку, закрыла ручку, надела колпак, повернула голову и подняла глаза. Нет, не изумилась.

– Присаживайтесь, вам так будет удобней.

Сергей Анатольевич сел у двери на кушетку. Она складывала аккуратную стопку, пользуясь необъяснимым принципом и его молчанием. Резкий шлепок, папка сброшена на пол, дополнив кучку до нужной цифры. Она поднялась, убирая в шкаф истории болезней со стола и ногой, задвинув те, что скопились на полу, чтобы не споткнуться. Он представился. Она сухо распорядилась временем, количеством школьников на ее этаже, объемом и условиями работ. Он ожидал, что ознакомление займет полчаса, а хватило минуты.

– Вы спешите?

– Да, я сейчас могу выпить чаю, – мягко заметила Таисия (Таис!), – могу и вас угостить.

В буфетной парил «титан», чай заварен крепко и быстро – «первачок». В открытом окне шорохи леса, тепло, умиротворение, никаких нервов, только даль неба, сияющего над березовой рощей. За спиной шаркающие движения, лаконичные ответы – без вопросов, словно все давно известно и отмерено. Как у нее все ловко и просто. Они перешли в заветную комнатку отдыха.

– Как давно вы ушли из баскетбола?

– Второй год, могу я называть вас по имени?

– Нет такой необходимости, – Таиса рассмеялась неожиданно откровенно, сняв не только колпак, но и дежурную маску.

Сергей Анатольевич наблюдал чаепитие медиков. Прибауточки вперемежку с короткими вопросами по делу: кто-где-что-как-сколько. «Зав-гав» очень молод для должности главного врача и явно питает слабость к Таисии Федоровне, которая кокетничает, вытребовав поблажки для своих. Претензии обоюдны и, если убрать терминологию, то весьма напоминает семейную сцену, где участвуют все родственники. А гость всегда посторонний и ничего не понимает. Вошла «Арнольдовна», подозрительно оглядев всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.